

Эпилог

Точная причина смерти Петра с медицинской точки зрения так и не была установлена⁵². Профессор Герман Бургаве, знаменитый лейденский врач, получил описание симптомов болезни императора, срочно отправленное Горном и Блументростом, однако не успел отправить свои рекомендации, как прибыл второй гонец с извещением о кончине Петра. Бургаве был ошеломлен. «Бог мой, – воскликнул он, – возможно ль это? Как жаль, что такой великий человек скончался, в то время как медицина, возможно, могла спасти ему жизнь». Позже, в разговоре с придворными медиками, Бургаве выразил уверенность в том, что, если бы болезнь не запустили и проконсультировались с ним раньше, он, скорее всего, сумел бы исцелить Петра и император прожил бы еще долгие годы. Об этом известно из воспоминаний племянника Бургаве, тоже врача, ставшего впоследствии лейб-медиком Елизаветы. Стоит, однако, отметить, что Бургаве так и не рассказал своему родственнику, какие именно средства употребил бы он для лечения и какой, собственно, недуг намеревался лечить. К уверениям профессора можно отнестись с сомнением хотя бы потому, что сам он больного не осматривал и не знал, что при вскрытии в области мочевого пузыря было обнаружено нагноение, близкое к гангрене, а запирающая мышца опухла и затвердела так, что ее с трудом вскрыли ножом.

Вопрос о престолонаследии решился в пользу Екатерины. Пока Петр находился при последнем издыхании, его сподвижники, в первую очередь Меншиков, Ягужинский и Толстой, решительно сплотились для поддержки императрицы. «Новые люди», вышедшие в знать милостью Петра, боялись возвращения к власти старого боярства, и недаром – им было что терять. Сообразив, что в споре о престолонаследии решающее слово останется за гвардией, они вызвали гвардейские полки и окружили дворец войсками. Солдатам напомнили о том, как Екатерина вместе с супругом делила тяготы военных походов. Гвардейцам спешно выплатили все задолженности по жалованью, причем деньги были выданы от имени императрицы. Гвардия всегда была предана Петру, а Екатерина и прежде пользовалась популярностью как у офицеров, так и у солдат, так что принятые меры легко обеспечили ей поддержку войск. Тем не менее законность восхождения на престол лифляндской крестьянки, бывшей сперва любовницей и лишь впоследствии супругой самодержца, оставалась сомнительной. Весьма серьезным претендентом был великий князь Петр, девятилетний сын царевича Алексея. Он доводился внуком покойному императору, был его прямым потомком по мужской линии, а стало быть, в соответствии с русской традицией, законным наследником. Так рассуждала значительная часть старой знати, духовенства, да и народа в целом. Древние родовитые фамилии, такие как Долгорукие и Голицыны, связывали с его именем возможность вернуться к власти самим и повернуть вспять реформы Петра.

Решающее столкновение произошло в ночь на 27 января, за несколько часов до кончины императора, когда сенаторы и вельможи собрались во дворце, чтобы решить вопрос о наследнике. Князь Дмитрий Голицын, принадлежавший по рождению к старинному боярству, проживший много лет за границей и считавший, что монарх должен делить власть с аристократическими родами, предложил компромиссное решение: императором провозгласить Петра Алексеевича, а Екатерину сделать регентшей, с тем чтобы она правила совместно с Сенатом. Это предложение вызвало возражения Петра Толстого, имя которого было неразрывно связано с судом и смертью царевича Алексея. Не без основания опасаясь воцарения сына Алексея, он с горячностью уверял, что правление малолетнего пагубно для страны, что государству необходим сильный, умудренный опытом монарх и что именно

⁵² По заключению современных медиков, смерть Петра наступила вследствие азотемии, причиной которой была либо аденома простаты, приводящая в своей заключительной стадии к задержке мочеиспускания и развитию уремии, либо развившаяся вследствие воспалительного процесса в уретре ее стриктура, то есть сужение канала, которое могло быть последствием гонореи (Яковлев Г. М., Аникин И. Л., Троханев С. Ю. Материалы к болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12).

поэтому покойный император короновал свою супругу. Эти слова были встречены одобрительными возгласами невесть откуда появившихся в зале офицеров Преображенского и Семеновского полков. В то же время снизу, с улицы, донесся бой барабанов. Собравшиеся во дворце вельможи бросились к окнам и, взглядевшись в темноту, увидели плотные ряды оцепивших дворец гвардейцев. Князь Репнин, командующий Петербургским гарнизоном и видный сторонник аристократической партии, с возмущением спросил, кто осмелился привести сюда войска без его ведома. «Я велел им прийти сюда, – твердо заявил гвардейский подполковник Бутурлин, – по воле императрицы, которой всякой подданный должен повиноваться, не исключая и тебя». Солдаты, у многих из которых на глазах были слезы, разразились криками: «Если мы лишились отца, то наша мать еще жива!» Понятно, что, когда в такой обстановке Апраксин призвал провозгласить «Ея величество самодержицей со всеми правами, которыми пользовался ее супруг», призыв его не встретил возражений.

Затем заплаканная сорокадвухлетняя вдова вошла в комнату, опираясь на руку герцога Голштинского. Едва успела Екатерина дрожащим голосом сказать, что она, «вдова и сирота», вверяет свое семейство попечению сенаторов, как Апраксин пал перед нею на колени и объявил решение Сената. Зал огласился приветственными возгласами, которые поддерживали собравшиеся на улице гвардейцы. В тот же день был издан манифест, и самодержицей Всероссийской впервые стала женщина – императрица Екатерина I.

Набальзамированное тело Петра было уложено в гроб и установлено на помосте в палате, задрапированной гобеленами, подаренными императору во время его визита в Париж. Более месяца к телу допускался народ, дабы каждый мог отдать дань памяти монарху. 8 марта под завывание снежной бури гроб перенесли в Петропавловский собор. Во главе процессии шествовала Екатерина, ее сопровождали 150 придворных дам, а за ними во множестве шли вельможи, сановники, иностранные послы и офицеры. Несмотря на снегопад, никто не покрывал головы. В соборе на панихиде произнес проповедь Феофан Прокопович. В своей речи он сравнивал Петра с Моисеем, Соломоном, Самсоном, Давидом и Константином. «Что се есть? – восклицал он. – До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!»

Правление Екатерины было недолгим. Воссев на престол, она объявила, что будет неукоснительно придерживаться заветов почившего супруга. Будучи весьма практичной особой, государыня сосредоточила свое внимание на следующих вопросах: отменила посылку солдат на строительство Ладожского канала, позаботилась о своевременной выплате жалованья войскам, ввела новую военную форму и регламентировала проведение частых в то время воинских парадов. Она оставалась приветливой, дружелюбной и настолько щедрой, что скоро расходы на содержание двора возросли втрое. Внезапное вознесение на вершину власти не сделало Екатерину заносчивой. Напротив, она не стеснялась вспоминать о своем низком происхождении и не забыла милостями всю свою родню. Государыня отыскала своего брата, Карла Скавронского, служившего конюхом на почтовой станции в Курляндии. Он был вызван в Петербург, обласкан и вскоре возведен в графское достоинство. Вызвала Екатерина в столицу и сестер с их семьями. Обе ее сестры были замужем за крестьянами: старшая за ливонцем по имени Симон Генрих, а младшая за поляком Михаилом Ефимом. Поселившись в Петербурге, эти семьи стали именоваться Гендриковыми и Ефимовскими. Впоследствии дочь Екатерины, Елизавета, великодушно пожаловала своим худородным дядюшкам графские титулы. Так возникли графские роды Гендриковых и Ефимовских.

С воцарением Екатерины истинным правителем государства сделался Меншиков. 8 февраля 1726 года, год спустя после восшествия государыни на престол, «к облегчению Ея величества в тяжком бремени правления», был учрежден новый орган власти – Верховный тайный совет. Первоначально в его состав вошли шесть человек – Меншиков, Апраксин, Головкин, Остерман, Толстой и князь Дмитрий Голицын⁵³. Этот коллегиальный орган был

⁵³ Кроме них в Совет вошел зять Екатерины I герцог Карл Фридрих.

наделен почти монаршей властью, включая право издавать указы. Однако в Тайном совете, так же как и в Сенате, чьи полномочия были изрядно урезаны, всем заправлял Меншиков. Если кто-то из «верхов» или сенаторов пытался ему перечить, он отметал все возражения, заявляя, что говорит от имени государыни.

Политике Меншикова не чужды были расчетливость и благоразумие. Князь понимал, что непомерные подати душат крестьянство, и говорил императрице: «Крестьянство и армия – как душа и тело: нельзя иметь одно без другого». По его настоянию Екатерина согласилась на одну треть убавить налоги и, соответственно, на треть же сократить армию. Кроме того, ее указом были прощены недоимки за прошлые годы. Но сосредоточить в своих руках полноту власти Меншикову все же не удалось. Любимец Екатерины, Карл Фридрих Голштинский, 21 мая 1725 года обвенчавшийся с дочерью императрицы Анной, несмотря на противодействие Меншикова, был включен в состав Тайного совета.

Смерть Екатерины, причиной которой стала череда простуд и приступов лихорадки, последовала через два года и три месяца после ее воцарения на престоле. В ноябре 1726 года Нева вышла из берегов. Наводнение было таким сильным, что императрице пришлось спасаться из дворца в одной рубашке «по колено в воде». Екатерина 6 января 1727 года участвовала в церемонии Водосвятия на невском льду, после чего в шляпе с белым плюмажем на голове и маршальским жезлом в руке простояла несколько часов на морозе, принимая парад 20-тысячного войска. В результате она на два месяца слегла в постель с лихорадкой и длительным кровотечением из носа. Затем наступило некоторое облегчение, но вскоре лихорадка возобновилась. Чувствуя приближение конца, императрица назвала своим преемником великого князя Петра Алексеевича, поручив регентство Верховному тайному совету, в состав которого были введены две ее дочери – семнадцатилетняя герцогиня голштинская Анна и шестнадцатилетняя цесаревна Елизавета.

По иронии судьбы, восхождению на престол Петра II, воплощавшего в себе надежды родовитой знати и приверженцев старины, способствовал возвышенный Петром из простолюдинов Меншиков. Не вызывает сомнения то, что при этом он руководствовался сугубо личными интересами, рассчитывая сохранить, а то и упрочить свое положение. Еще при жизни Екатерины он сопоставил шансы обеих ее дочерей – Анны и Елизаветы – с перспективами Петра и решил, что возможностей овладеть короной у юного великого князя больше. Поэтому Меншиков переметнулся в ряды сторонников Петра и, используя свое влияние на Екатерину, подсказал ей решение, которое в итоге и было ею принято: назвать наследником Петра, введя дочерей в регентский совет.

Естественно, что при этом Меншиков не упустил из виду интересов своего семейства. Еще перед тем, как он убедил императрицу объявить наследником Петра, он добился ее дозволения на брак одиннадцатилетнего великого князя со своей дочерью, шестнадцатилетней Марией.

Внезапная политическая переориентация Меншикова озадачила и встревожила других старых соратников Петра, и в первую очередь Толстого. Старый лис, которому минуло восемьдесят два года, отчетливо сознавал, что новый император не преминет сквитаться с человеком, обманом выманившим его отца из Италии. Толстой обратился за помощью к остальным сподвижникам великого государя, но его мало кто поддержал. Остерман встал на сторону Меншикова, Ягужинский в то время находился в Польше, а остальные сочли за благо занять выжидательную позицию. Только Антон Девиер, шурин Меншикова, и генерал Иван Бутурлин выступили против светлейшего князя.

Но было уже слишком поздно. Находившуюся при смерти Екатерину Меншиков окружил своими людьми, так что без его ведома никто не мог подступиться к императрице. Развязав себе таким образом руки, он немедленно начал действовать. Был арестован, бит кнутом и сослан в Сибирь Антон Девиер, на которого Меншиков давно таил злобу за то, что тот, против воли князя, женился на его сестре. Толстой был сослан на Соловки, где и скончался в 1729 году, в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Как только Екатерины не стало и Петр II был провозглашен императором, Меншиков принялся пожинать плоды своих интриг. Не прошло и недели со дня воцарения юного государя, как его уже перевезли из Зимнего дворца на жительство во дворец Меншикова на Васильевском острове. Спустя еще две недели было объявлено о помолвке Петра с княжной Марией Меншиковой. Верховный тайный совет пополнился новыми членами – союзниками Меншикова из числа старой родовой знати – Долгорукими и Голицыными. В знак примирения с приверженцами старины Меншиков сделал многозначительный жест – стареющая царица Евдокия, бабушка нового монарха была переведена из мрачной Шлиссельбургской крепости в удобный для проживания Новодевичий монастырь под Москвой.

Герцог Голштинский, введенный в состав Верховного тайного совета Екатериной против воли Меншикова, смекнув, что запахло жареным, попросил дозволения покинуть Россию вместе со своей женой, герцогиней Анной. Меншиков охотно дал разрешение и перед отъездом супругов в Киль, столицу герцогства, подсластил пилюлю, назначив Карлу Фридриху щедрую пенсию от российской казны. Там, в Киле, 28 мая 1728 года, вскоре после рождения сына, будущего императора Петра III, герцогине Анне суждено было умереть. По случаю разрешения ее от бремени был дан бал, а затем устроен фейерверк. Хотя весна на Балтике стояла промозглая, счастливая молодая мать настояла на том, чтобы полюбоваться огнями салюта с открытого балкона. Когда ее придворные дамы забеспокоились, как бы она не простудилась, Анна рассмеялась и сказала: «Я ведь из России и привыкла к гораздо худшему климату, чем ваш». Однако не прошло и десяти дней, как старшей дочери Петра не стало. Теперь из детей Петра и Екатерины в живых оставалась только Елизавета.

Новый император имел привлекательную внешность, крепкое здоровье и для своих лет был довольно высок ростом. Остерман, на плечах которого лежало руководство внешней политикой России, взял на себя и обязанности по воспитанию юного Петра. Правда, его жизнерадостный ученик не слишком интересовался книгами, откровенно предпочитая им верховую езду и охоту. Когда же Остерман укорял государя за отсутствие прилежания, тринадцатилетний монарх отвечал: «Мой дорогой Андрей Иванович, я вас люблю, и для дел государственных вы незаменимы, вот и занимайтесь ими и не вмешивайтесь в мои удовольствия». Больше всего Петр любил общество своей сестры Натальи, бывшей всего на год старше его, и белокурой восемнадцатилетней тетушки Елизаветы, как и он сам не встречавшей в государственные дела и любившей скачку, охоту и танцы, да еще девятнадцатилетнего князя Ивана Долгорукого.

В эти недолгие летние месяцы 1727 года Меншиков достиг вершины своего могущества. «Даже Петра Великого, – доносил саксонский посланник, – так не боялись и так ему не повиновались». Он был фактически единоличным правителем России, ему предстояло стать тестем императора, человеком, чья кровь будет течь и жилах грядущих поколений российских монархов. Меншиков был настолько уверен в неколебимости своего положения, что держался несносно, позволяя себе высокомерно третировать даже юного государя. Он отобрал у Петра выданные ему деньги, да еще попенял императору за то, что тот их принял, а потом отнял у сестры императора, Натальи, подаренное ей братом серебряное блюдо. Уязвленный всем этим, юный монарх произнес с угрозой: «Я тебе покажу, кто из нас двоих император».

В июле 1727 года Меншиков, на свою беду, захворал, и хватка его руки, сжимавшей бразды правления, несколько ослабла. Петр, Наталья и Елизавета переехали в Петергоф. При дворе стали поговаривать, что отсутствие князя Меншикова, похоже, никак не сказывается на ходе государственных дел. Когда, выздоровев, Меншиков приехал в Петергоф, Петр, к немалому изумлению князя, демонстративно повернулся к нему спиной, бросив при этом своим, не менее удивленным товарищам: «Видите, я научил его знать свое место». А всего месяц спустя, в сентябре 1727 года, Меншиков пал. Он был арестован, лишен всех чинов и орденов и со своей семьей, включая и дочь Марию, выслан в свои воронежские имения. Впрочем, поначалу опала выглядела довольно мягкой – семейство недавнего временщика

покинуло столицу в четырех запряженных шестерней каретах, за которыми тянулось шестьдесят возов всякого добра.

Теперь Петр II угодил в руки клана Долгоруких. Князья Алексей и Василий Долгорукие, первый из которых был отцом князя Ивана, ближайшего друга императора, вошли в состав Верховного тайного совета, а в конце 1729 года было объявлено о помолвке государя с семнадцатилетней дочерью князя Алексея Екатериной. Войдя в силу, Долгорукие довершили падение Меншикова. В апреле 1728 года светлейший князь был обвинен в изменнических сношениях со Швецией, его колоссальное состояние конфисковано, а сам он со всем семейством сослан в городок Березов, затерянный в сибирских снегах. Там он и скончался в ноябре 1729 года в возрасте пятидесяти шести лет, а через несколько недель за ним последовала его дочь Мария.

С воцарением Петра II роль политического центра России стала постепенно возвращаться к Первопрестольной столице. Короновавшись в Москве в январе 1728 года, Петр II отказался возвращаться в Петербург, заявив, что ему нечего делать там, «где нет ничего, кроме соленой воды». Естественно, и двор остался при государе, а со временем и некоторые правительственные учреждения перебрались из Петербурга в старую столицу. Однако правлению Петра II суждено было продлиться всего лишь на несколько месяцев дольше царствования Екатерины. В начале 1730 года четырнадцатилетний император занемог. Как выяснилось, он заразился оспой. Состояние больного быстро ухудшалось, и 19 января 1730 года, в тот самый день, на который была назначена его свадьба, Петр II умер.

Смерть наступила так неожиданно, что Петр не успел назначить себе преемника в соответствии с установленным его дедом порядком. В связи с этим избрать нового монарха из числа членов царствующего дома предстояло Верховному тайному совету, ключевая роль в котором принадлежала теперь Дмитрию Голицыну. Цесаревну Елизавету, единственную оставшуюся к тому времени в живых дочь Петра Великого, сочли слишком легкомысленной, склонной к одним лишь увеселениям, а Екатерину Мекленбургскую, старшую дочь Прасковьи Федоровны и недужного царя Ивана, брата и соправителя Петра, верховники полагали чересчур подверженной влиянию мужа, герцога Мекленбургского. Поэтому их выбор пал на среднюю дочь Ивана, герцогиню курляндскую Анну, овдовевшую еще в 1711 году, спустя всего несколько месяцев после свадьбы. Престол был предложен Анне с оговоркой, требовавшей принятия ею статей – «кондиций», существенно ограничивавших монаршую власть, – в частности, императрица не должна была без одобрения Верховного тайного совета выходить замуж или назначать себе преемника. За советом же сохранялось право объявлять войну, заключать мир, вводить налоги, расходовать казенные средства, жаловать поместья и производить в чины выше полковничьего. Анна приняла эти требования, но по прибытии в Россию, заручившись поддержкой гвардии и служилого дворянства, «разорвала» кондиции, упразднила Верховный тайный совет и восстановила самодержавное правление. Новая императрица более восемнадцати лет прожила в Курляндии, была настроена прозападнически, и потому двор вскоре вернулся в Петербург. В ее правление ведущая роль принадлежала трем немцам: Эрнсту Бирону, бывшему ее первым министром в Курляндии и получившему в России графский титул, Остерману, по-прежнему руководившему внешней политикой страны, и строителю Ладожского канала Миниху, ставшему главнокомандующим армией и получившему чин фельдмаршала. Императрица Анна скончалась в 1740 году, оставив трон внуку своей старшей сестры, Екатерины Мекленбургской. Венценосный младенец Иван VI Антонович едва ли уразумел, что стал императором: он унаследовал корону двух месяцев от роду, а лишился ее тринадцать месяцев спустя и оставшиеся годы провел в строжайшем заточении в качестве секретного узника. На престоле его сменила Елизавета, которой в ту пору был тридцать один год. Она по-прежнему любила всяческие развлечения и была весьма популярна в гвардии, с помощью которой и овладела тронном. Полагают, что Елизавета решилась на переворот единственно из опасения быть отправленной в монастырь сторонниками Ивана. Царствование Елизаветы продолжалось двадцать лет (1741–1761). За ним последовало кратковременное правление

Петра III (декабрь 1761 – июнь 1762), после чего в России на тридцать четыре года воцарилась Екатерина Великая.

Из всего вышесказанного видно, что изменение Петром порядка наследования престола и провозглашенное им право монарха самому назначать себе преемника определили своеобразие хода российской истории. Прежде, как повелось еще со времен Киевской Руси, престол занимали только мужчины, а после смерти Петра в 1725 году Россией в течение семидесяти одного года почти непрерывно управляли женщины – его супруга (Екатерина I), племянница (Анна), дочь (Елизавета) и жена его внука (Екатерина Великая). Злосчастные царствования двух внуков Петра Великого – Петра II и Петра III – и внука Петрова брата, Ивана VI, приходившиеся на недолгие промежутки в женском правлении, в совокупности составили по продолжительности всего сорок месяцев. После смерти Екатерины Великой на престол взошел ее сын Павел I, люто ненавидевший мать. В день своей коронации он отменил указ Петра Великого и установил наследование престола по старшинству мужской линии. Впоследствии на российском троне восседали только мужчины: сыновья Павла I – Александр I и Николай I, его внук Александр II, правнук Александр III и праправнук Николай II.

* * *

Тело Петра Великого было предано земле, но дух его витал над Россией. Сразу после смерти монарха соотечественники принялись старательно собирать все связанные с его жизнью предметы и с гордостью их демонстрировали. Его парадные одеяния, зеленый преображенский мундир, бывший на нем под Полтавой, его шляпа, огромные черные ботфорты, поношенные, чиненые башмаки, шпага, трость с набалдашником из слоновой кости, ночной колпак, штопанные-перештопанные чулки, конторка, хирургические, зубо врачебные и навигационные инструменты, его токарный станок, седло и стремяна стали со временем музейными экспонатами. Были выставлены на обозрение чучела любимой царской собачки Лизетты и лошади, на которой сидел Петр во время Полтавской баталии. Скульптор Карло Растрелли изготовил «восковую персону» императора в полный рост: сидящий монарх облачен в платье, бывшее на нем в день коронации Екатерины, на голове его парик из собственных волос, остриженных во время Персидского похода. Все эти реликвии бережно сохраняются в России и по сей день – их можно увидеть в Эрмитаже и других музеях.

Близкие к Петру современники чувствовали, что с его кончиной они понесли невосполнимую утрату. Андрей Нартов, придворный токарь, в компании которого Петр в последние годы работал едва ли не каждый день, говорил: «Хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастье находиться при сем монархе, умрем верными ему, и горячую любовь нашу к земному богу погребем вместе с собою». Неплюев, морской офицер, возвышенный Петром до сана посланника в Стамбуле, писал: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут».

К концу столетия почитание Петра стало почти что культом. Первый из великих русских ученых Михаил Ломоносов именовал Петра «человеком Богу подобным» и писал: «Везде Петра Великого вижу – в поте, в пыли, в дыму, в пламени – и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, но многие...» «Не Бог ли в нем с небес?» – вторил ученому крупнейший русский поэт XVIII века Гавриил Державин.

Дальновидная немка Екатерина Великая, желая связать себя в глазах подданных с прославленным предшественником, заказала французскому скульптору Фальконе величественную бронзовую статую. Постаментом ее стал доставленный на берега Невы гранитный утес весом 1600 тонн. Бронзовый император, облаченный в мантию и увенчанный лавровым венком, восседал на свирепом, вздыбленном скакуне, попирающем копытами

змею. Воздетая десница монарха указывает через реку на Петропавловскую крепость и далее – в грядущее. Со времени выхода в свет бессмертной поэмы Пушкина «Медный всадник» творение Фальконе навеки обрело место в российской словесности.

Разумеется, не все оценивали роль Петра одинаково. В простом народе со смертью этого монарха связывали надежду на смягчение повинностей и уменьшение налоговых тягот, что нашло отражение в широко распространенном лубке «Как мыши кота хоронили». На этой лукавой аллегорической картинке изображен огромный усатый кот с легко узнаваемой физиономией, возлежащий, задрав лапы, на погребальных дрогах, которые с торжествующим видом волокут мыши. В XIX веке традиционалисты, верившие в самостоятельность древней русской культуры, ставили Петру в вину то, что он первым распахнул двери западным новшествам и идеям. «Мы стали гражданами мира, – писал консервативный историк Николай Карамзин, – но перестали быть в некоторых случаях гражданами России». Возник крупномасштабный философский и исторический спор между двумя школами – славянофилами, которые сокрушались по поводу пагубного воздействия реформ, приведших к упадку нравов и исконной культуры, и западниками, которые восхищались Петром и восхваляли его за разрыв с прошлым и насильственное приобщение России к просвещению и прогрессу. Такого рода жаркие споры зачастую бывали полны неумеренных порицаний и столь же неумеренных восторгов. Известному литературному критику Виссариону Белинскому принадлежат слова: «Государство русское началось с творца его – Петра Великого, до появления которого оно было младенец... Казалось, судьба хотела, чтобы спавший дотоле непробудным сном русский человек... выработал свое будущее... и явился исполин, преобразователь, привил к плодородной и девственной почве русской натуры зерно европейской жизни – и с небольшим в столетие Русь пережила несколько столетий». Реформы Петра он считал «залогом всемирно-исторического развития».

Особенно нелегко было сладить с оценкой личности Петра советским историкам. Поставленные в жесткие рамки и вынужденные приспособлять свои публикации не только к марксистской теории как таковой, с ее отрицанием решающей роли личности в истории, но и к «линии партии», они колебались между трактовками Петра как самодержца, выражавшего интересы эксплуататорских классов помещиков и купцов, и национального героя, оборонявшего Россию от иноземных захватчиков. Наглядной иллюстрацией может служить освещение роли Петра в экспозиции мемориала Полтавской битвы. Перед входом в музей красуется памятник императору, а выставленные экспонаты дают наглядное представление о его роли в битве. Однако все печатные материалы, включая буклеты, приписывают победу усилиям «братских народов России и Украины».

Сам Петр достаточно реалистично и философски относился к тому, как воспринимают его современники, и к тому, каким он останется в памяти потомков. Остерман вспоминал, что как-то раз государь спросил одного иностранного посла, какого о нем мнения за границей. Тот принялся было уверять, что весь мир восхищается мудростью и гением императора, кои он проявил в своих грандиозных замыслах, но Петр нетерпеливо оборвал дипломата: «Так всегда льстят государям в их присутствии, я же желаю знать и иные суждения, и те мнения, какие высказывают мои недоброжелатели». Посланник отвесил низкий поклон. «Коли такова воля Вашего Величества, я отвечу правдиво и поведаю вес нелицеприятное, что мне доводилось о вас слышать. Вы прослыли государем надменным и суровым, строгим к своим подданным, скорым на кару и не склонным к милосердию». «Знаю, знаю, – покачал головой Петр, – но все это не так. Называют меня и жестоким и мучителем, но, по счастью, те только чужеземцы, кои ничего не знают об обстоятельствах, в коих я с начала царствования многие годы находился, и сколь многие из моих подданных препятствовали мне ужаснейшим образом в наилучших моих намерениях для отечества и принуждали меня с ними со всякою строгостию, но не жестоко, а менее еще мучительно. Сии то тираны суть, а не я. Честных трудолюбивых, повинующихся разумных сынов отечества возвышаю и награждаю я, а непокорных и зловредных исправляю по

необходимости. Совесть моя чиста. Бог судия мне!»

Спор о личности Петра и значении его реформ все еще не завершен. Одни его осуждают, другие идеализируют, каждый его шаг вновь и вновь подвергается анализу, но все же он, масштабностью своей натуры схожий с самой Россией, по сей день остается загадкой. Лишь одно ни у кого не вызывало сомнения – его колоссальная энергия и трудолюбие. Петр, по выражению Пушкина, «на троне вечный был работник». Он и сам писал о том Меншикову: «Мы живем в золотом веке, не теряя ни мгновения, посвящаем все усилия работе». Петр являл собой стихию, и, возможно, поэтому окончательное суждение о нем не будет вынесено никогда. Как измерить могучий натиск океана или безмерную мощь урагана?..